

Простая, почти до смешного скромная обстановка не вызвала у Лу Ли улыбки. Хотя Цянь Чуаньсюн и Сунь Чэнцзюй не сидели за столом, они находились неподалёку и наблюдали за происходящим. Чжао Юйган даже не очистил площадку, и вокруг то и дело сновали работники съёмочной группы и актёры, а иногда появлялись чьи-то агенты и ассистенты, помогавшие артистам с вещами.

Кто бы мог подумать, что сейчас проходят пробы на крупный проект?

Чжао Юйган строго произнёс:

— Сейчас свободны или могут быть заменены только три роли. Вы хотите попробоваться на все или выберете одну?

Он окинул их обоих взглядом, и его голос не смягчился ни на йоту.

— Предупреждаю заранее, шанс только один. У вас есть десять минут на выступление, включая время на подготовку.

Фу Юньлань собрался с духом, сделал шаг вперёд и, поклонившись, сказал:

— Здравствуйте, режиссёр Чжао. Я хотел бы попробоваться на роль разносчика.

Эти слова вызвали у Лу Ли неподдельное удивление. Из трёх ролей две были «воплощениями» Чжан Хуньюй, то есть «главными героями». Главная роль, даже если сниматься всего неделю, имеет такой же вес, как и второстепенная, которая длится весь фильм. Такой крупный проект — огромная удача! Хотя успех не гарантирован, но стать известным на время вполне реально. Актёрское мастерство Фу Юньлани было выше, и шансы получить главную роль составляли восемь из десяти, если только режиссёры не будут обращать внимания на его репутацию — а тот факт, что они согласились на пробы, уже говорил о том, что им это не важно. Почему же Фу Юньлань выбрал второстепенную роль?

Чжао Юйган скрестил руки, ничего не сказал, но кивнул работнику съёмочной группы, который передал Фу Юньланю сценарий для выступления.

Фу Юньлань потратил две минуты на чтение сценария и ещё две на подготовку, после чего словно превратился в того самого уставшего разносчика, мгновенно вживаясь в роль.

— Пара бамбуковых палочек... хе-хе, коробка для еды...

Пошатываясь, он шёл по дороге с коромыслом, вытирая пот и тяжело дыша.

— Дорога широкая, хе-хе, а я иду по краю...

Бормоча что-то себе под нос, он добавил:

— Почему такая узкая дорога...

— Лекарства, ткани, верёвки...

— Ножницы, ножи, швейные принадлежности...

Протяжно выкрикивая, он шёл некоторое время, его дыхание становилось всё тяжелее.

Солнце палило нещадно, он был измотан! Но он продолжал идти, не останавливаясь ни на

мгновение.

— Лекарства, ткани, верёвки...

— Ножницы, ножи, швейные принадлежности...

Внезапно крик оборвался, он остановился, снял невидимое коромысло и достал оттуда что-то.

— Брат, нужна коробка для еды?

Словно увидев перед собой бедняка Чжан Хунъюй, он улыбнулся добродушной улыбкой.

Лу Ли наблюдал, как Фу Юньлань кланяется в сторону Чжао Юйгана, и его сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Раньше Лу Ли, хотя и не был профессиональным актёром, мог спокойно и уверенно играть перед зрителями или камерой. Однако режиссёр Чжао Юйган был знаменитостью в индустрии, и просто наблюдая за тем, как Фу Юньлань так смело выступает перед ним, Лу Ли чувствовал, как сердце колотится в груди... Один неверный шаг, и Чжао Юйган мог счесть его дерзким!

Чжао Юйган смотрел на Фу Юньланя, но его выражение лица не изменилось ни на йоту.

Фу Юньлань продолжал, как и раньше, но постепенно его лицо начало выражать смущение.

— Не хотите покупать? Ну и ладно.

Мужчина покачал головой и вздохнул.

— Уж и так достаточно дёшево...

Повернувшись, он сделал движение, будто поднимает коромысло.

— Сейчас не купите, потом пожалеете!

Сказав это с ноткой негодования, он пошёл в сторону, оглядываясь через каждые пять шагов.

На пути ему попадалось мало людей, и он уже снижал цены, но продал совсем немного. Он надеялся, что этот человек остановит его и купит хоть что-то. Он даже не скрывал своей надежды, открыто ожидая, что тот заговорит.

Но тот человек так и не окликнул его.

— Лекарства, ткани, верёвки...

— Ножницы, ножи, швейные принадлежности...

Отойдя от Чжао Юйгана на несколько десятков метров, он стал дышать всё тяжелее...

— Дорога становится всё уже!

Пожаловавшись вполголоса, он вытер невидимым полотенцем пот с лица и вздохнул, поправив коромысло на плече.

— Ещё не дошли до дома...

Обернувшись, он посмотрел на человека, который ничего у него не купил.

— Лекарства, ткани, верёвки...

— Ножницы, ножи, швейные принадлежности...

— Всё, что нужно!

Фу Юньлань, не задерживаясь, ушёл с «коромыслом». Сунь Чэнцюй и Цянь Чуаньсюн перешепнулись, обмениваясь несколькими словами.

Через некоторое время Фу Юньлань вернулся с другой стороны, спокойно поклонился Чжао Юйгану:

— Спасибо, режиссёр Чжао.

Чжао Юйган закрыл глаза, махнул рукой, давая понять, что тот может уходить.

Фу Юньлань отошёл в сторону и, уходя, бросил Лу Ли взгляд.

Лу Ли, увидев этот взгляд, внезапно успокоился, словно небеса даровали ему неведомую смелость.

— Здравствуйте, режиссёр Чжао.

Подойдя, он поклонился.

Чжао Юйган по-прежнему сохранял холодный вид, осмотрел его с головы до ног и равнодушно спросил:

— Тоже выберешь роль?

Лу Ли ответил:

— Мне не нужен сценарий.

Чжао Юйган слегка удивился, внимательно посмотрел на него:

— ...Без сценария тоже можно.

Если Лу Ли хотел таким образом найти нестандартный подход, то он ошибался. Чжао Юйган не позволил бы просто так участвовать в съёмках тому, кто не прошёл пробы, даже если бы Лу Ли сыграл великолепно.

Лу Ли, однако, прочистил горло, поправил позу и начал:

— Солнце заходит за западной горой, одинокий гусь кричит в вечерних облаках...

Цянь Чуаньсюн выпрямился и ткнул Сунь Чэнцюя, который тоже выглядел удивлённым, не ожидая, что Лу Ли сразу начнёт петь.

— Спрашиваю небеса, почему судьба дочери так горька, после цветения всех цветов мои убиты...

— Сдерживая горечь, иду на восток моста, глотая слёзы, ступаю по льду. Вспоминаю прошлое,

искренние чувства, оплакиваю настоящее, как отражение в зеркале...

— В сердце тысячи узлов, но как справиться с тем, что тот человек ушёл за горизонт, оставив старые деревья и холодных ворон!

— Горько, но в сердце нет иных желаний, горько, но слёзы превращаются в лужи.

— Любимый ушёл, и больше не увижу его, только я один с разбитым сердцем, один возвращаюсь домой...

Закончив петь отрывок из «Хуа Суцзы», Лу Ли поклонился Чжао Юйгану.

Чжао Юйган долго молчал, его пронзительные глаза смотрели на него, прежде чем он наконец спросил:

— Почему ты выбрал этот отрывок для проб?

Не говоря уже о том, как Лу Ли пел, его движения не могли сравниться с профессионалами, к тому же в опере Юэцзюй мужчины редко поют женские партии.

Лу Ли ответил:

— Я слышал, что вы, режиссёры, хотите снимать по-новому, снимать спектакль внутри спектакля...

Цянь Чуаньсюн и Сунь Чэнцзюй переглянулись, а Чжао Юйган прищурился.

— Если нужно, чтобы актёр был персонажем, а персонаж — актёром, то этот отрывок можно считать частью сценария.

Цянь Чуаньсюн рассмеялся, встал, подошёл к Чжао Юйгану и похлопал его по плечу:

— Похоже, Сяо Чжоу порекомендовал неплохого человека, старина Чжао, как думаешь?

Снимая так долго, многие актёры знали, что они используют многоплановый подход, но они ломали голову, пытаясь понять, что именно они хотят сделать. Этот же человек сразу понял их замысел.

Чжао Юйган смягчился и сказал:

— Неплохо.

Они снимали «Хуа Суцзы» по трём линиям. Первая — опера, которую исполняли студенты Чжан Хуньюй, профессионалы с образованием. Вторая — история реальной жизни Чжан Хуньюй, которую играли опытные актёры и молодые новички. И третья — история «Хуа Суцзы» из сна персонажа, которую также исполняли молодые актёры.

Три линии переплетались, но при этом были разделены. Разрозненные, но соединённые истории в итоге создали фильм «Хуа Суцзы».

Изначально фильм памяти Чжан Хуньюй должен был состоять из двух частей: оперы «Хуа Суцзы» и биографии Чжан Хуньюй. Но такой подход казался недостаточно мощным. Позже три режиссёра собрались вместе и придумали снять один фильм, объединив три линии.

Для истории кино Хуася такой фильм, несомненно, станет сенсацией! Только эти трое могли решиться на то, чтобы в двухчасовом фильме соединить три такие длинные временные линии.

<http://bllate.org/book/16232/1458375>